

Наталья Павловна НЕФЕДЬЕВА

ПСИХОАНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА ПСИХОАНАЛИЗА

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальному положению психоаналитической практики в постсоветской социокультурной среде и трудностям понимания этой работы. Автор сравнивает профанное использование психоаналитических терминов в психологии и иных практиках с профессиональным языком метафор, доступным во взаимодействии психоаналитика с его анализантами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психоанализ, Фрейд, метафора, метафорический язык психоанализа.

ABSTRACT

The article is devoted to the current state of psychoanalytic practice in the post-Soviet sociocultural environment and the difficulties in understanding this work. The author compares the profane using of psychoanalytic terms in psychology and other practices with the professional language of metaphors available in the interaction of a psychoanalyst with his analysands.

KEY WORDS: psychoanalysis, Freud, metaphor, metaphorical language of psychoanalysis.

Ни один аналитик не может претендовать на то, чтобы представить полную картину современного анализа в целом. <...>

И осознание сегодняшних изменений несет в себе изменение, происходящее с самим психоаналитиком.

А. Грин

Говоря о психоанализе сегодня, в юбилейный год 30-тилетнего существования одного из самых значительных образовательных психоаналитических институтов в России – ВЕИПа, хочется затронуть темы, актуальные как для развивающегося российского психоанализа, так и для психоанализа в целом как культурного феномена.

Психоанализ европейской культуры, предпринятый З. Фрейдом в его статье «Недовольство культурой» (1930) [3], вызвал недоумение публики, привыкшей гордиться своими культурными достижениями. Психоанализ, в отличие от других естественнонаучных дисциплин, обращается к собственно человеческому, выступая в этой своей роли скорее как искусство, нежели наука, претендуя в то же время быть наукой (может быть в отношении к «науке любви»). Психоаналитическую литературу нельзя в полном смысле назвать научной, и если вокруг психоанализа как практики появляется много текстов, то их можно только по аналогии соотнести или с историко-философскими или с искусствоведческими. Как далеко отстоят такого рода научные трактаты от практики создания текстов – вопрос интерпретации.

Эта неоднозначная позиция в социальном дисциплинарном окружении не может не вызывать недоумения и сопротивления у культурно ангажированных представителей различных научных и творческих сообществ, ни к одному из которых психоанализ сегодня не примыкает, но создает какое-то свое поле в этом многообразии культурных контекстов.

Если взглянуть с этой точки зрения на вопрос сублимации – наивысшего разрешения влечения, то и здесь мы найдём много противоречий: само отношение к работе (в том числе и научной) и вовлечённость в нее не исключает пристрастности, которая часто маскируется под «объективность».

Проблема признания психоанализа наукой напоминает спор о марксистской философии: как известно, в сообществе, собирающемся строить коммунизм, философия была только одна – марксистско-ленинская, слегка опирающаяся на достаточно хорошо проинтерпретированного Гегеля, и она же была научной. Всё остальное считалось буржуазной «лженаукой», и тексты не переводились в принципе (их читали только в самиздате или по подстрочникам).

Отдельной проблемой психоанализа считается то, что отец-основатель очень хотел признания его творения наукой в классическом естественнонаучном смысле

слова. Но представления о науке изменились со времен Декарта. Думаю, что личное общение Фрейда с Эйнштейном поменяло его представления о доказательной научной дисциплине, поскольку Бессознательное может быть только гипостазировано, но никак не доказано путём даже самых продуманных психологических экспериментов или тестов.

Концептуальный аппарат современного психоанализа отличается от традиционного научного, и это является одной из причин, по которым к нему до сих пор относятся неоднозначно. Психоанализу приходится как размежевываться с мистическими или эзотерическими практиками, так и сепарироваться от классических научных установок на объективность, доказательность, эксперимент и т.д.

Невозможно также отрицать противоречия внутри и между психоаналитическими сообществами и институтами, опирающимися на различные теоретические и практические положения, выработанные в течение многих лет в достаточно изолированном кругу, что неизбежно создает конфликты как различных направлений, так и представительств психоанализа в социуме. В этой связи возникают противоречия в кругу образовательных психоаналитических институтов и сообществ; в частности, связанные с тем, что современное поколение психоаналитиков воспитано на иных – не классических теоретических и практических наработках, и какие-то изменения, сформулированные много лет назад отдельными авторами, сегодня становятся повседневной реальностью для нового поколения аналитиков, но об этом ничего не знают люди, не вовлеченные в профессию, которые судят о психоанализе по плохим переводам или штампам, иногда не читая первоисточник. («Я Фрейда не читал, но я его осуждаю» – такое отношение можно достаточно часто встретить даже у весьма уважаемых представителей психологии и психотерапии).

Возникает парадокс: психиатры, опирающиеся в основном на естественнонаучные установки классического рационализма XIX века, упрекают современных психоаналитиков в использовании этой парадигмы мышления. Хотя современные практики показывают обратное – это не противопоставление различных подходов, но их совмещение, как пишет об этом А. Грин в статье «Психоанализ и привычный ход мысли (привычное мышление)» (1979) [1].

Ставятся вопросы о метафорическом языке психоанализа, который вызывает непонимание с позиций естественнонаучного, детерминистского подхода, опирающегося на причинно-следственную всеобщую закономерную связь и обусловленность всех явлений.

Логика психоанализа или логика символического совершенно особого рода. Это и не логика обыденного мышления, и не классическая научная логика бинарных оппозиций. Парадоксальная логика метафоры – это способ понимания психоанали-

тиком смысла высказываний пациента в другом контексте или сразу в нескольких контекстах. «Для сотворения символа требуется воссоединение двух ранее разлученных элементов: из них творится третий элемент, который сможет заключить в себе качества двух предшествующих, не будучи, однако, их простой суммой. В этой ситуации обе составляющие едины и разделены. Между ними не существует физического контакта» (А. Грин) [1].

Одной из проблем является то, что иногда метафора известных авторов становится неким устойчивым конструктом для некоторых психоаналитиков (или тех, кто себя так называет) и ментальным клише. Некоторые авторы от психиатрии говорят о «метафорическом диагнозе» – используя словосочетание «эдипов комплекс» в качестве диагноза. Возможно, о «метафорическом диагнозе» стоит говорить в том смысле, что само слово «диагноз», заимствованное из врачебной практики, в психоанализе является метафорой, перенесением значения в другой контекст.

Психоанализ как таковой пронизан метафорами и символическими смыслами (которые не всегда могут быть переведены буквально на «обычный» язык, да и не всегда это нужно делать). Краеугольный камень психоанализа – это работа с «переносом». А перенос это и есть метафора (от др.-греч. μεταφορά – «перенос», «переносное значение»). Например, когда аналитик говорит (или думает), что он – «мать» или «отец» пациента, он понимает это как перенос (со стороны пациента или со своей – в контрпереносе). Но для анализанта этот символический смысл отношений часто скрыт от сознания, и, по выражению Винникотта, аналитик для пациента не «как будто мать», а он и «есть мать» (в повторении и бессознательном воспроизведении ранних отношений).

В современном психоанализе (в отличие от классического фрейдовского) существует множество школ, часть из которых использует диагностику пациента для более точного определения техники работы (по аналогии с медицинской психиатрической моделью), а часть – в том числе интерсубъективный и феноменологический подход – опираются только на весьма условные критерии разграничения уровней организации личности. Речь не идёт о «лечении» как таковом, как и о «болезни или патологии» в том смысле, который придаётся этим словам в медицине (психиатрии), хотя некоторые психоаналитики, пришедшие к этой практике из медицины, используют их, но в ином смысле. Принято говорить не «больной», а «анализант» (или «клиент»), который «проходит анализ или психоаналитическую терапию» (а не «лечится» в психиатрическом смысле). Более того, установка на «лечение», предполагающая априорное «знание» терапевтом душевных болезней пациента (диагноз), подвергается серьёзной критике в среде профессионалов. И хотя тяга к постановке диагноза довольно сильна (в особенности у бывших врачей, которым достаточно сложно преодолеть инерцию

естественнонаучной установки мышления), она не приветствуется в современном психоанализе.

Популярность психоаналитических идей, с одной стороны, способствует распространению его специфических знаний в широкой аудитории, что неизбежно связано с профанацией и банализацией, с другой стороны, вызывает настороженное отношение как чуть ли не эзотерическая дисциплина с недоказуемыми и не верифицируемыми данными и результатами с точки зрения приверженцев строгой науки и медицины. Клинические психологи, в особенности, закончившие психоаналитические институты или кафедры, охотно называют себя психоаналитиками, не имея практического опыта собственного анализа.

«Психоанализ» – это уже давно бренд, который часто используется в так называемой эзотерической практике, клинической психологии и многочисленных направлениях психотерапии. Модно приписывать слово «психоанализ» совершенно чуждым методологическим приемам и техникам. Возникает странная картина «свой среди чужих»: Фрейда все упоминают как отца-основателя, но затем выстраивают целую сеть аргументов, чтобы отмежеваться от психоанализа, упрекая его в многочисленных грехах.

Можно встретить, например, даже в кругу людей, считающих себя профессионалами, такие названия курсов как, например, «психоанализ денег» (на ум приходит гротескный образ купюр или монет, лежащих на кушетке). В сообществе существует сленг, на котором говорят некоторые психоаналитики (или люди околопрофессионального окружения), и который существует в любых профессиональных сообществах. Некоторые психиатры, например, называют «эдипов комплекс» «диагнозом», хотя это не «диагноз», а теоретический конструкт, помогающий прояснить определённые проблемы в ранних детско-родительских отношениях, существующих у всех людей.

Такое использование распространенных теоретических конструктов как со стороны научного сообщества, так и со стороны их вульгарного употребления в культуре, в частности, при интерпретации произведений искусства, с одной стороны, означает вхождение психоанализа в так называемое массовое сознание, но с другой – неизбежную профанацию и критику.

Если соотносить психоанализ с процессом производства текста (литературой), то можно выделить несколько направлений:

- использование литературных и мифологических образов,
- психоаналитическая интерпретация произведений искусства,
- влияние на искусство определенных положений психоанализа (например, в сериалах, посвященных маньякам или убийцам, обязательно присутствует сюжет, связанный с травматическим опытом детско-родительских отношений, как будто это что-то объясняет),

- восприятие психоанализа как литературы, части целебного литературного дискурса (с этим феноменом можно познакомиться в социальных сетях как, например, «Кино – Поттеротерапия»).

Обычно в психоаналитической литературе можно встретить изложение фрагментов из практики, это так называемые «клинические виньетки», которые призваны подтвердить какой-то теоретический пассаж, и не имеют сами по себе никакой «доказательной» силы. Убедительность или неубедительность такой практики иллюстрирования посредством клинического материала зависит от литературных способностей и фантазии автора. Однако стоит заметить, что относительно интерпретации клинического материала существует столько же подходов, сколько и аналитиков (и их супервизоров).

В некоторых психоаналитических сообществах не принято вообще иллюстрировать теоретический материал клиническими примерами, потому что, во-первых, это нарушает конфиденциальность пациента (его границы), а во-вторых, предполагается, что теория должна следовать за клиническим опытом, а не наоборот. Верификация теоретических предположений относительно каждого конкретного случая происходит в закрытом профессиональном кругу и зависит от теоретических установок этого круга, притом, что аналитиками другого направления тот же материал может быть проинтерпретирован иначе. Теоретические конструкции не являются чем-то «истинным или неистинным», но они должны быть, чтобы помочь аналитику хоть как-то ориентироваться в материале. Предполагается, что аналитик во время сессии должен «забыть» то, что он выучил в институте, хотя, понятное дело, это очень трудно сделать и требует от него большой работы над собой и постоянного переобучения. Иначе он привыкает говорить и мыслить терминами, которые не ведут ни к какому пониманию того, что именно происходит в терапии.

Существует проблема профессионального сленга, который входит в обыденную речь, не будучи осознанным, когда, например, студенты или пациенты начинают говорить терминами, подхваченными из доступных источников. Здесь возникает вопрос: это повышение психологической культуры или профанация?

Но если речь о сообществе, то все эти метафорические выражения истолковываются в публикациях, на многочисленных семинарах и конференциях, чтобы прийти к консенсусу по поводу того, что же именно они означают. Это приблизительно то же, что заниматься литературоведением или историей философии. Занятие не бессмысленное с точки зрения культурного процесса, но вовсе не означающее, что кто-то из теоретиков может создать такую метафору или идею, о которой будут говорить и писать.

Приходится встречать упреки в адрес психоаналитиков в виде цитат вроде *«создавая метафорический язык, который по определению является языком уни-*

кальным и индивидуальным, психоаналитик пытается защитить себя от всякого непонимания со стороны» [2]. Не могу удержаться от интерпретации: возможно автор переносит свои чувства непонимания этого языка на всех психоаналитиков, которые говорят вроде бы по-русски (или по-немецки и т.д.), но совершенно непонятно для людей, не вовлечённых в профессию. Понимаю, что бывает досадно от собственного непонимания, но разве можно обвинить, например, физиков или математиков в том, что они защищаются своими терминами от моего совершеннейшего ничегонепонимания в их сфере. Возможно, такое мнение относительно языка психоанализа было в своё время вызвано достаточно популярной литературой т.н. «прикладного психоанализа», адепты которого начали «анализировать» по Фрейду (и вслед за ним) произведения искусства. Но к психоаналитической практике работы с анализантом это имеет весьма отдаленное отношение. И здесь, безусловно, в каждом конкретном случае создаётся свой язык взаимодействия, который не может быть перенесён в отношения с другим анализантом.

Психоанализа боятся, его не любят, как не любят что-то непонятное, или присваивают бренд для монетизации психологической помощи. В силу этих причин границы психоанализа размываются, но от этого он не теряет свою привлекательность и обособленность. Это что-то редкое, о чем всякий слышал, но никто не видел воочию, чтобы убедиться в его существовании. Как писал А. Грин, «диалог между аналитиками и всеми остальными станет еще более затрудненным». И, так же, как говорил ранее Фрейд, мы будем вынуждены признать: с этим ничего не поделать [1].

Так же хочется выразить огромную благодарность создателям и преподавателям, аналитикам и анализантам ВЕИП, 30-летие которого мы отмечаем в этом году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Green A. On Private Madness. – London: Hogarth Press & The Institute of Psychoanalysis, 1986 [La Folie privée. Psychanalyse des cas limites. Paris: Gallimard, 1990].
2. Зислин И.М. Лечение без диагноза и диагноз без лечения // Неврологический Вестник. – 2021. – Т. LIII. – № 1.
3. Фрейд З. Недовольство культурой. – М.: Фолио, 2013. – 222 с.